

НАША СТРАНА

Год издания—55-й. Буэнос-Айрес, суббота 21 сентября 2002

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 21 de septiembre de 2002 N° 2715-2716

А. НИКОНОВ

МАРКСИСТСКИЙ РЕНЕССАНС

В начале 90-х годов, после молниеносного в масштабах истории самороспуска советской системы появилась надежда, что теперь во всем мире марксистские организации распадутся сами по себе, а идеология коммунизма, по выражению Маргарет Тэтчер, будет навсегда водворена туда, откуда она вышла, — в читальный зал Британской Библиотеки. Однако выяснилось, что именно западные марксисты еще быстрее, чем советские, оправились от шока и укрепились на новых рубежах.

“Бытовое” левоинтеллигентское эрничество переходит на Западе от “отцов” к “детям” и неподвластно морали и историческим переменам. Носки и рубашки с Че Геварой, портреты Маркса, Ленина, Горбачева, как бы в шутку повешенные на кафедрах солидных университетов, студенческие сходки под красными флагами при участии умиленных профессоров и т. п. — вся эта пошлость традиционна для западной интеллигенции и показывает не столько ее взгляды, сколько нравственный уровень. Для “бессмертного учения” нового, постсоветского образца характерно, прежде всего, то, что западные марксистские партии, избавившись от неудобных старомодных названий и наиболее неприличных фигур, вроде Жоржа Марше, омолодились и смело шагнули в “новый мировой порядок”. Не только в Германии, где в бывшей ГДР сильны ностальгические чувства, но и во Франции, Италии и других европейских странах, последователи Маркса и Троцкого стали вдруг входить в местные и общенациональные органы власти, уверенно образовывать коалиции с другими партиями и вести пропаганду с такой бойкостью, словно бы их избирательные кампании до сих пор финансировались из Москвы. В ноябре 1997 года тогдашний премьер-министр Франции, Жоспен спросил, что он думает о 85 миллионах жертв коммунизма и о привлечении к ответственности людей, его поддерживавших. Жоспен — нехотя осудив Сталина и Гулаг — провозгласил Октябрьскую революцию великим событием XX века и торжественно заявил, что гордится участием коммунизма в своем правительстве. Отвратительная бесцеремонность этого заявления, сделанного не Торезом или Марше, а главой легитимного французского кабинета, через пять лет после распада КПСС и Советского Союза, показывает, что успех новых марксистов на Западе не случаен.

Гибель коммунистической сверхдержавы лучше всяких

теорий продемонстрировала убийственную безнадежность марксизма-ленинизма. Как получается, что организации, опирающиеся на это явно безумное учение и лишенные к тому же финансовой базы в виде денег из Москвы, переживают вдруг ренессанс?

В западной общественной жизни и раньше проступали марксистские черты, но периоды антикоммунизма в западной политике временами сдерживали их развитие. Теперь же советская угроза прошла. Крайние левые партии перестали считаться потенциальными агентами противника, и марксистская тенденция яснее, чем когда-либо, обнаружилась в важнейших областях общественной жизни.

Так, например, доминирующий на Западе взгляд на мировые проблемы вполне согласуется с идеей *классовой борьбы*, хотя и приспособленной слегка к современным понятиям. Истоки этих проблем здесь принято видеть в конфликте между богатством и бедностью, тогда как духовные и культурные вопросы либо выводятся из этого конфликта, либо не учитываются вовсе. Интересно, что акцию 11 сентября многие, с подачи левых, считают протестом против “капитализма”, хотя сами левые уже аккуратно отошли от этой формулировки, стесняясь невыгодного для себя сравнения Бен Ладена с Че Геварой. Глубокий, вполне марксистский *материализм* пронизывает самую суть западной жизни. Даже в советских программах говорилось о материальных и “духовных” потребностях народа. В предвыборных программах западных партий речь идет только об уровне жизни, о доходах и налогах. Широко и естественно пропагандируется вера в “социальный прогресс” и в происхождение человека от обезьяны. Современная западная *культура* — по преимуществу грязь и мусор — своим агрессивным безобразием живо напоминает пролеткульт и другие продукты торжествующего коммунизма. Объем гуманитарных предметов в *школах* неуклонно уменьшается и постепенно сходит к грубо политизированной (в смысле “прав человека”), тенденциозной вытязке. Советскими двадцатыми годами отдаем и прогрессирующий распад институтов *семьи и брака*, при одновременном узаконении однополых связей. Растворение суверенных *государств* и ослабление сдерживающей функции закона соответствует марксистской схеме. *Национальная политика* западных стран сегодня есть последовательный и жесткий

интернационализм. Подобно марксовому пролетарию, типичный человек Запада “не имеет отечества” и толкует национальное самосознание как вредный предрассудок.

Как видно, западное общество органично сжилось с марксистскими идеями — будь то твердокаменный марксизм-ленинизм или его слегка размытые производные. Освободившись от советской опеки и обновленным компартиям оставалось только активно включиться в общественную жизнь.

Граждан западных государств, однако, не экспроприируют и не привлекают к уголовной ответственности за критику системы, а в программах компартий ныне отсутствует одно из центральных положений марксизма — социалистическая революция и диктатура пролетариата. Этот важный пункт часто вызывает простодушный вопрос: чем, собственно, плохи современные коммунисты, раз они отказались от идеи насилия и грабежа?

Во-первых, марксизм всегда был очень гибкой теорией и практикой. Сталин разогнал половые извращения не от брезгливости. И не от эстетства запретил всякое иное искусство, кроме традиционного. Стройка рабского государства тоже была актом “творческого” марксизма, а не отступлением от его принципов. Сталин понимал, что никакое государство невозможно создать на хаосе. Для решения этой задачи был нужен именно такой, сталинский марксизм. Так же и коммунисты Запада сегодня против диктатуры и насилия не потому, что они их отрицают, а потому, что для достижения высшей коммунистической цели есть теперь более действенное средство. Сравнить Добро со Злом так, чтобы стерлись границы между ними, в долгосрочной перспективе надежнее, чем объявлять Добро вне закона, как это было при советской власти. Идеиные и честолюбивые марксисты, вроде Ленина или Сталина, мечтали об однородно раскатанном человечестве, в котором высшая власть принадлежала бы им. Марксисты помельче мечтают ухватить побольше благ земных и, не работая, жить в роскоши. Тенденции современной жизни делают эти мечты вполне осуществимыми и без диктатуры пролетариата.

Во-вторых, отнюдь не все марксистские партии отказались от идеи насилия. Иные из них открыто выступают за “перманентную революцию”, отмену собственности и прочую уголовщину, и власти их немало не притесняют. Глуповатому интелли-

генту уголовщина издавна казалась чем-то благородно-романтическим, а у сытого обывателя мысли о ней возбуждают нервы. Никто из них не пожелал бы обитать в коммуналке лагерного типа, но в отдаче голосов за бандитские группировки первому видится “моральный долг”, а второму забава. В результате крайние марксисты также получают неплохие проценты на выборах. Впрочем, следует полагать, что и “умеренные” их товарищи, когда это будет “нужно”, живо вернуться к практике террора и репрессий.

В целом, марксистские партии — это естественная часть глубоко левого “нового мирового порядка”. Их отличие от других левых партий состоит в стремлении еще более ускорить мировую “перестройку”, придать ей еще более радикальные черты. Кроме того, “высоким инстанциям”, которые составляют фигуры на доске большой политики, эти партии нужны для противовеса возможным инакомыслящим — если случится, что таковые станут мешать их планам, — и для других хитрых маневров и комбинаций. Коммунисты (ПДС) были, например, почти единственной партией, безоговорочно протестовавшей против агрессии НАТО в Югославии. Такой выпад против “нового мирового порядка” в его неприкрытом виде вовсе не противоречит общей линии марксистов как радикальных “перестройщиков”. За ним стоял, скорее, конъюнктурный расчет на антивоенные настроения и на имидж коммунистов как “защитников слабых и угнетенных”. В стратегическом же смысле новые компартии выступают за роспуск армий, что заставляет вспомнить известный лозунг Троцкого и отзывается “светлым земшарным будущим”, в котором уже не будет никаких “строптивцев” и нужда в вооруженных силах, соответственно, пропадает.

И 1848, и 1917, и 1968 (студенческие волнения в Европе и США), и 1992 годы — все это “этапы большого пути” к всемирному человеческому свиначнику. У его первоходцев время от времени возникают разногласия по поводу темпов и средств передвижения, но общность целей, в конце концов, примиряет их и создает новые, еще более “творческие” формы революционной мысли. Поэтому ренессанс марксизма на Западе, какие бы новые имена ни присваивало себе это учение, так же закономерен, как и подправленный сталинский гимн в “Российской Федерации”.

А. НИКОНОВ

СРЕДИ КНИГ

В ГОРАХ КАВКАЗА

Изданная в Москве в 2000 году книга профессора Н. Покровского "Кавказские войны и имамат Шамиля", написанная в 30-е годы, долго ждала своей публикации, в силу того, что взгляды советской власти на завоеванные Кавказа менялись и угодить ей было трудно.

Книга весьма обстоятельная и эрудированная; но она, увы, носит отпечаток советского режима. В частности, автор старается все свести ко классовой борьбе; часто натянуто, ибо на самом деле действовали национальные и религиозные мотивы, а классовые интересы, если и проявлялись, то на втором плане. Как он и сам указывает, в окружении Шамиля играли роль и знатные люди и выходцы из простонародья; проследить их значение было бы трудно.

Это, впрочем, не главный недостаток разбираемой работы. Хуже то, что, — неизбежно, конечно, в советских условиях, — автор клеймит все время "царизм", осуждая все его действия, иногда вовсе необоснованно и даже явно противоречиво.

Вот он сам говорит, в начале своего труда: "Присоединение Северо-Восточного Кавказа очень тесно связано с включением Закавказья в состав России. Собственно говоря, второе закончилось тогда, когда первое еще едва намечалось. С присоединением Грузии к России народы Закав-

казья избавились от чрезвычайно тягостного и разрушительно влиявшего на них турецкого и иранского господства".

Иначе говоря, подчинение Кавказа являлось абсолютной необходимостью. Что, надо сказать понимало все русское общество; так что поклепы на "царизм" тут вовсе и ни к чему.

Дальше идут обвинения вовсе бессмысленные. Зачем мол война? Но мирным путем уговорить горцев никто бы не смог. Упреки в жестокости... Но всякая война жестока; эта по понятным условиям, была даже особенно.

Однако, между прочим, именно в ней, с обеих сторон, проявлялись часто рыцарство и благородство, — о чем Покровский предпочитает не упоминать.

Он упрекает Россию в опоре на кавказских "феодалов". Опять-таки, как могло быть иначе? Что же, надо было устраивать демократические выборы, с прямым, тайным и равным голосованием, организовывать свержение местных властей народом? Этакие меры, понятно, наше правительство сочло бы и безумными, и преступными.

Тех из феодалов, т. е. местных ханов и князей, кто шел на сотрудничество с русскими, Покровский клеймит как изменников и предателей.

Между тем, как люди более просвещенные и лучше информиро-

ванные, чем простой народ, понимающие законы политики, они не могли не видеть, что борьба с могучей империей безнадежна, и что, в конечном счете, подчинение ей без кровопролития пойдет на благо самим кавказцам.

Вот сочинитель с неодобрением цитирует такой текст из "отношения графа А. И. Чернышева генералу Е. А. Головину" в 1839 году: "По мнению его величества, во всех горских областях, которые с приближением к ним наших отрядов изъявляют добровольную покорность, полезно на некоторое время сохранить их образ управления и начальство над ними поручить преданным туземцам, членам тех же самых обществ".

А, казалось бы, чего гуманнее и терпимее?

Покровский одобрительно говорит о демократизме Шамиля, но не очень убедительно. Если тот истреблял и принижал аристократию, — то по вполне понятным мотивам: желал абсолютной и единоличной власти (впрочем, и нужной в условиях войны). Если он (частично) отменил рабство, то по тем же соображениям. Опять-таки, говорить о его режиме как монархическом нельзя никак, это была диктатура. Что он пытался сделать наследственной, — так и Кромвель на то покушался (безуспешно).

Между прочим, внутренние

противоречия шамилевского правления, с его железной диктатурой и все более тяжелыми требованиями от населения, привели в конце концов к тому, что его подданные не только массами сдавались русским и даже переходили на их сторону, но и подымали против него восстания, беспощадно расправляясь с поставленными им начальниками, наибами. Параллельно с тем, имаму пришлось разочароваться в его союзниках, Турции и Англии, явно желавших прямо подчинить себе Кавказ, не оставляя ему никакой самостоятельности.

К числу наиболее неприятных мест в книге принадлежат как бы с радостью отмечаемые поражения русских войск в процессе войны, сражавшихся между тем с подлинным героизмом: "Из 300 человек гарнизона погибли почти все, в плен попало не более 10 человек"; "Гарнизон оборонялся отчаянно и пал с оружием в руках до единого человека", — такими комментариями пестрят страницы "Кавказской войны и имамата Шамиля".

Отметим на всякий случай для читателей, что автор данной книги, Николай Ильич Покровский, не имеет ничего общего с известным советским историком Покровским, создателем так называемой "Школы Покровского".

САВВА ЮРЧЕНКО

В. В. КИРИЛЛОВ (Владикавказ)

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ФАКТЫ

Московское издательство "Росспэн" выпустило в 2000 году труд Н. И. Покровского "Кавказские войны и имамат Шамиля". В аннотации сказано, что книга эта, "принятая к печати тремя издательствами, пролежала в них с 1934 по 1950 г., но так и не была издана, несмотря на отзывы крупнейших специалистов-историков того времени. Причиной тому была острота рассматривавшихся в ней проблем и невозможность подогнать изложенные в ней факты и взгляды историка под заданные партийной идеологией схемы".

Тем не менее, учитывая время и место создания, книга не могла не отразить советские взгляды на Кавказские Войны. Однако она довольно академична, и если отбросить неверный тон автора в характеристике личности Императора Николая Первого и его умнейших военачальников, действовавших на Кавказе, ею

очень удобно пользоваться с точки зрения фактов, которые говорят сами за себя!

Невозможно не восхищаться примерами замечательного мужества и упорства русских солдат, казаков и их командиров; взять хотя бы пленение Шамиля в Гунибе (с. 479) или переправу у Сагрытло (с. 477). Описывает автор и крупнейшие поражения русских войск, просчеты, вызванные неумелым руководством и недооценкой противника, но шедшие в прок так как из них извлекали уроки (битва при Валерике, описанная Лермонтовым).

Читая, невозможно не испытать неприязнь ко Франции и Англии, открыто поддерживавших Турцию и прочий мусульманский мир в ущерб России. Кровь казаков легла на них и в прошлом веке.

Весьма красноречивы заметки главного из большевиц-

ких божков — Маркса, несмотря на то, казалось бы совершенно разные позиции, весьма похожие на близкие нам по времени комментарии НТВ Гусинского. Оба они едины в своем неприятии России.

Современным советским патриотам от Проханова следовало бы напомнить об этой духовной близости якобы двух противоположностей: их праотца Карлы Марлы и их "заклятого врага" Гусинского.

Еще один ключевой момент: говоря о раздаче земель на Кавказе, автор ни словом не упоминает о том, что **большую часть земли получали не помещики, а свободные землепашцы-казаки!** В казаки уходило много солдат, взятых из крепостных. Это и есть истинный способ улучшения жизни крестьян, о котором Покровский видимо боялся даже упомянуть. Но время было такое. Само слово "казак" было под запретом. Только во Вторую

Мировую войну Сталин вспомнил о врожденном у казаков инстинкте службе России и попытался его использовать. И это ему удалось. Пропаганда была сильнейшая: зомбирование велось с пленок.

Наконец, очень важный факт! Освобождение русского крестьянства и разгром Шамиля совпадают во времени! Смысл этого вот в чем: истинная национальная свобода достигается не в революциях и братоубийствах, вызванных завистью и нищетой духа, а в мужественном противостоянии врагам Веры и Отечества. Эту истину прекрасно понимал Самодержец Николай Первый, такие его полководцы как Слепцов, Барятинский, Ермолов, и простые русские казаки и солдаты.

Слава им вовеки!

В. В. КИРИЛЛОВ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОКЛОННИК АДАМОВИЧА

В своей книге “Улица Ночи” (СПб. 2002), Ю. Шиллов яростно нападает на меня, защищая память “непревзойденного” Г. Адамовича.

Да, признаюсь, я Адамовича не люблю (хотя лично с ним не имел никаких отношений). Отчасти по причине его политической карьеры: после Второй Мировой войны он несколько лет был рьяным советским патриотом, а потом, — увидев, что так выгоднее, — пошел во услужение англосаксам. Такая гибкость хребта мне непостижима.

Главное же не могу я переносить литературного критика со столь явно дурным вкусом: он ненавидел Пушкина и Достоевского, жестко травил Цветаеву (несомненно, немало содействовал и ее гибели). Что у него сочеталось с большим невежеством: поговорив с ним о вопросах мировой словесности, подлинно культурный Бальмонт был возмущен (убедившись, что тот кроме русских и французских писателей вообще ничего не читал), и охарактеризовал парижского мэтра как “лопоухого гимназиста”. За что сей последний стал его свирепо преследовать. Ну, да он ведь давил все живые силы в русской поэзии, требуя подчинения заветам своей поганой “парижской ноты”. Где все сводилось к разговорам об одиночестве и о смерти. Гибельный путь! Трудно подумывать, что не связанный с тем, что Шиллов деликатно называет его “сексуальной ориентацией”.

Впрочем, о его роли и качествах как критика и особенно поэта, зачем мне входить в

подробное здесь обсуждение? Сошлюсь на то, что о нем сказала Цветаева, авторитет которой в данной области трудно было бы отрицать.

Сколько сам могу оценить — поэт он был абсолютно бездарный, а критик никуда не годный.

Прибавим к тому, что рассуждал он всегда с позиций разьедающего, бездушного и ледяного атеизма, сочетавшегося с бесплодным скептицизмом. И позволял себе о Гумилеве сказать, что он де в религии ничего не понимал, а над Поплавским, неуклюже искавшим пути к вере, бесчеловечно потешаться.

Отчасти я, может быть, поддаюсь эмоциям. Ибо не могу без негодования читать фразы, вроде — приводимой Шиловым с непонятным мне восхищением! — “Пушкин, чудный и грешный поэт”.

Почему же “грешный”? Александр Сергеевич никого не ограбил, не убил; был в жизни совершенным джентльменом. И удобно ли о грехах судить Адамовичу, самому отмеченному страшным грехом — содомским?

Но тут вот и проявляется главный мой конфликт с Шиловым. Для него гомосексуализм есть врожденная болезнь, которую осуждать недопустимо. Он сюда приплетает эпилепсию Достоевского и чахотку Левитана. Мне кажется, — вовсе зря! Порок есть порок, — могущий сочетаться с прекрасным здоровьем и значительной физической силой; а природный ли или благоприобретенный, этого вроде бы наука пока не в силах и решить (не

говоря уж о разнообразии отдельных случаев).

Впрочем, удивляет непоследовательность автора “Улицы Ночи”. В той же книге, он весьма сурово отзывается об эротических похождениях Лимонова с ньюиоркскими неграми. Почему же Адамовичу можно, а Лимонову нельзя? Еще нелогичнее, здесь же он требует смертной казни для сексуальных маниаков, виноватых в изнасилованиях и убийствах. Но ведь, становясь на его точку зрения, — садизм, жажда причинять мучения и умерщвлять, тоже есть свойство — болезнь? — заложенное в преступника от природы. А, значит, их за это наказывать, — тяжелая несправедливость!

Но если уж мой почтеннейший оппонент меня припирает к стенке и требует высказывания о гомосексуализме, скажу следующее:

Почему-то именно этот грех всегда казался нормальным людям (которые, слава Богу, везде и всегда в большинстве!) особенно чудовищным.

По древнееврейским законам за него полагается побиение камнями; и мы помним об участии Содомы и Гоморры.

Перенесемся в средневековую Испанию. Рисуя ее быт, наш современник, талантливый писатель А. Перес-Реверте, как бы с удивлением отмечает, что общество и Церковь весьма снисходительно относились к незаконным связям между мужчинами и женщинами, но за однополую любовь без колебания отправляли виновных на костер. Впрочем, то же самое делалось и во

Франции.

Любопытно, что на другом конце мира, у перуанцев, точно так же за противоестественные сношения между мужчинами применялось сожжение заживо. Чем это объяснить? Ведь, казалось бы, есть много грехов похуже!

Сдается, это реакция на нарушение законов природы. Любовь должна порождать жизнь. А однополая любовь бесплодна. Если вообразить себе кошмарное общество, где извращенные формы половых отношений преобладают, — оно обречено на скорую гибель.

Именно потому, вероятно, люди испокон противились оболыщениям данного сорта. Сейчас вот отступились от сопротивления, — и что же? На них обрушилась чудовищная болезнь СПИД! К чему это приведет мы еще сейчас и взвесить не можем...

Нет, да простит меня г-н Шиллов, — я к подобным вещам отношусь с омерзением! И дегенеративные склонности Адамовича для меня являются решительно отталкивающими. Хотя наблюдались не только у него, а у целого ряда поэтов эпохи Серебряного Века из коей он вышел.

В заключение несколько слов pro domo sua. Шиллов меня издевательски именует **маэстро** (“Вам будет угодно, маэстро...”). Я никогда не страдал самомнением, никогда не претендовал поучать и наставлять. А право высказывать свое мнение и делиться им с читателями, — его оставляю за собой.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПЕЧАТЬ

ДЬЯВОЛ ПЛАТИТ ЧЕРЕПКАМИ

В номере от 25 июля с. г. “Русской Мысли” заканчиваются нудные воспоминания Жака Росси о его пребывании в советских концлагерях. Он сопровождает их послесловием в виде интервью, под названием: “ГУЛАГ — не извращение, а существо советской системы”.

С данной формулой мы только и можем что целиком согласиться!

И кратким изложением истории своей жизни. Француз из богатой семьи, он смолоду уверовал в коммунизм, и активно работал на его торжество во всемирном масштабе; был курьером при международном отделе Коминтерна, потом работал на нелегальной радиостанции в Испании; в 1937 г. его отозвали в Москву. — и посадили. На 25 лет.

Тогда-то, на досуге, он осознал некоторые вещи: “И

постепенно я начал понимать, что то, что я знал теоретически про Советский Союз, про марксизм-ленинизм, на самом деле выглядит совершенно иначе. Человек ведь меняет свою философию только если ему, грубо говоря, дадут по голове”.

Конечно, лучше поздно чем никогда. И тип “кающегося коммуниста” нам давно знаком: Кестлер, Плавьё, позже, например, Дэкс. Они даже принесли много пользы.

Но как было возможно, как было мыслимо, в условиях полной свободы, при счастливой самостоятельной жизни, при полной информированности, — избрать столь отвратительную идею как коммунизм, весь основанный на злобе и зависти к богатым, зависти к образованным или талантливым, ко всем, чем-то высшим чем “человек из подполья”?

И однако значительная часть западной интеллигенции клюнула ведь на грубую приманку, уверовала в “великий социалистический опыт”.

То наказание, которое Росси за свои безумные убеждения понес, нельзя не признать заслуженными. Хорошо, что он сумел сде-

лать, в конце концов, правильные выводы. Жаль, что не раньше...

ВОЙНА С НАРЕЧИЯМИ

Франция 200 лет жила якобинским идеалом, который ее правительства, более или менее все, старались осуществить. Все языки и диалекты в пределах страны подлежали истреблению; беспредельно господствовать должен был один французский язык, единственный допускаемый к употреблению в школе, в администрации, в культурном обществе.

Поворот — на сей раз справедливый и разумный — общественного мнения Запада в пользу признания прав на существование всех языков и даже наречий, желательности сохранения по мере возможности даже языков незначительных меньшинств, разрешения ими широко пользоваться в семье и в работе, — все это застало французов врасплох. Уж очень им не хочется подобные планы осуществлять на деле!

Особую враждебность власти испытывают по отношению к бретонскому языку (и понятно: столько кричали, что он де уми-

рает, уже умер — а он живет и себя проявляет). А тут еще итальянский язык на Корсике, которого уж никак не задушишь... и баски, которым в соседней Испании предоставили широчайшую автономию.

Раздражает шовинистов даже и выживание языков, близких к их собственному, как провансальский с его вариантами на юге, наречия гасконцев, каталонский, продолжающий существовать на юго-востоке Гексагона.

И вот в “Фигаро” от 1-го августа с. г. читаем, на первой странице, сердитую заметку Г. Баре по поводу того, что издательство “Ассимиль” опубликовало краткий словарь и разговорник овернского наречия, представляющего собою разновидность все того же провансальского (или, как теперь говорят, лангедокского).

Много шуму из ничего... Такой ли уж от этого может быть вред?

А главное, — нельзя идти против течения! Считаться с такими языками — вовсе не похоже на французский и явно вполне жизнеспособными, — как бретонский и баскский все равно придется!

В. Р.

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

ЦАРСКИЕ КОНИ

В царской России существовал "самый большой лошадиный некрополь в истории человечества". Об этом напоминает в странной статье газета "Монд": "место незасекреченное, но малоизвестное. Здесь, на окраине Царского Села в 1826 году по приказу императора Николая Первого был построен первый в мире "старческий дом для лошадей".

За павильоном — десятки могил (конечно без крестов). В них на протяжении почти целого века цари хоронили своих лошадей. Самых заслуженных. Тех кто за верную службу удостоились благоустроенной старости.

В советское время о конном кладбище сперва забыли, потом превратили в завод (грузовики разрушили около 30 могил), затем в эту местность свозили мусор, а в 80-х годах предлагалось "зачистить" ее бульдозерами.

Сегодня, однако, этот уникальный ансамбль, — как его называет "Монд" — возрождается благодаря 15-летним хлопотам французского писателя Жан-Луи Гуро, случайно наткнувшегося на упоминание о нем в журнале "Magasin Pittoresque" за 1860 год. "На каждой могиле начертано имя коня, имя Государя которого он носил, дата рождения и смерти животного, а иногда и исторические факты", указывал журнал.

Первым делом Царь Николай Павлович озаботился о судьбе "Друга", ветерана антинаполеоновских войн, коня, на котором Император Александр Первый въехал в Париж в 1814 году.

"Это чрезвычайно трогательно для каждого человека, любящего лошадей", говорит Гуро. Найдя в СССР нескольких русских друзей-энтузиастов, француз решил с ними действовать. Отправившись в Пушкино (как советчики переименовали Царское Село), с видом заговорщиков они добрались до искомого места... и убедились в грандиозности повреждений и заброшенности. Вскоре услышали разговоры и о предстоящей "бульдозерной" акции.

Нужно было действовать быстро. Устроили скандал на советском телевидении, что понудило вандалов отказаться от своей идеи, и начали работать по установлению всех пропавших данных. К счастью архивы хорошо сохранились. Одновременно были предприняты поиски средств на реставрацию. Сперва собрали 10 тысяч долларов, потом еще 14.000...

Работы продвигаются, уже имеется энтузиаст сторож-ведущий и посетителям объясняется, что "история этих лошадей тесно связана с победами наших Государей... А потому — это часть истории России. Ведь невозможно представить себе Император-

ский Двор без лошадей. А они тогда были — лучшие во всем мире. И покупать таких лошадей у России, хотелось всем, во всех четырех частях Света..."

Разумеется, в подленьком левацком "Монде" не могли попутно не лягнуть Императора Николая Первого; мол людей вешал, в Сибирь загонял, а тут о лошадях беспокоится, им убежище создает, о качестве сена заботится...

Ну, положим, декабристы были государственными изменниками и преступниками, Николай Павлович с ними еще чересчур гуманно поступил. А что касается уважения к боевому коню, оно красной нитью проходит через всю историю человечества.

Возьмем хотя бы Буцефала, коня Александра Македонского. По преданию, он обуздал его еще будучи малышом и тогда отец и сказал ему: "Сын, ищи себе иного царства, Македония слишком мала для тебя!"

Все гигантские походы Александра Великого совершил на этом коне и считал, что своим победам он обязан и Буцефалу! Когда конь умер на реке Гидаспе в Индии, Александр назвал его именем построенный там город.

Для кавалеристов Русской Императорской Армии лошадь была надежным товарищем, делившим со своим хозяином все трудности похода. По ста-

рым историческим фотографиям или по пленкам "Патэ Журнала" можно судить какую почетную роль предоставляли коню умершего короля, например Александра Карагеоргиевича, либо того или иного французского маршала.

Ведомый двумя конюхами под уздечки, такой "осиротелый" конь участвовал в траурной процессии, следовал за гробом усопшего хозяина, наравне со всеми приглашенными на похороны именитыми лицами.

Вспомним пушкинскую "Песнь о Вещем Олеге":

А где мой товарищ, промолвил Олег,
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Все так же ль лёгок его бег?

Все тот же ль он бурный, игривый?
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном...

И видит, на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль...

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: "Спи, друг одинокой,
Твой старый хозяин тебя пережил..."

Вполне естественно — и трогательно, — что и наши Государя из Дома Романовых тоже любили своих коней и заботились о них!

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

ДВА БЕЛЫХ АВТОРА

Выходящий в городе Верном журнал "Простор" опубликовал авантюрно-приключенческий роман генерала П. Н. Краснова "Амазонка пустыни". Я написал к нему небольшое предисловие, где расшифровал подлинные имена некоторых персонажей романа.

Кстати, в номере 1-2 журнала за этот год, опубликован "Дневник галлиполийца" замечательного писателя-пушкиниста Николая Александровича Раевского, которого я имел честь знать лично. Дневник его за 1920-21 гг. чудом сохранился, и недавно был передан родственниками для публикации в "Просторе".

Н. А. Раевский, капитан Дроздовской Артиллерийской Бригады, в 1945 г. был арестован НКВД в Праге, отсидел лагерь и ссылку, а затем поселился в Верном (Алма-Ате), где и прожил до конца своих дней. Там же впервые и вышли его книги, затем множество раз переизданные: "Если заговорят портреты", "Портреты заговорили", "Джафар и Джан", "Последняя любовь поэта" и др.

Адрес "Простора" в Интернете: www.prostor.samal.kz.

М. Н. Ивлев (Сольцы)

ОКРУЖЕН СОВЕТЧИНОЙ

Получил газеты, за что благодарю. Я рад, что нашел связь с вами — у меня нет выхода, я русский.

Я был инициатором, организатором крестного хода казаков от храма Вознесения Господня, до Поклонного Креста в поселке Старая Магнитка. Увы, товарищ атамана не так крестился, атаман во время крестного хода орал "в ногу!" — пока сго не заткнули. Тяжело, братья... Город все еще живет советской жизнью, с ее бескультурьем и бездуховностью.

Но, как представляю кем я был бы, если не Промысел Божий — мне становится лучше. Я русский, казак, а не "россиянин", читаю не "Московский комсомолец", а то, без чего не могу — "Белый Листок" и "Нашу Страну". Я решил в зарубежную юрисдикцию, написал о Тимофее Алферову (редактору "Успенского Листка") с просьбой благословить меня и брата на вступление в Российский Имперский Союз-Орден.

Надоел мне совковый патриотизм...

К. Демешко (Магнитогорск)

КАША В ГОЛОВАХ

Случайно услышал по московскому радио "Песню сибирских стрелков". Шла какая-то передача о песнях советско-

германской войны. "Гость в студии" позабавил меня. Он рассказывал как "боролся", чтобы доказать подлинное авторство мелодии "По долинам и по взгорьям": "Все говорили, что это "дроздовцы" пели, а красные у них "содрали"... А это наша, русская песня!" — примерно так подвел он итог своего рассказа.

Помилуйте! Так если "наша" — это "русская", то почему "дроздовская" — не "наша"?

Видимо и ведущая программы отметила его "ляп", почему и вставила: "Так "белых" вроде бы "реабилитировали...". Гость что-то промямлил маловразумительно... Дальше я слушать не стал... Вот какая у нас "наша" каша в головах...

М. Абрамов (Ростов н/Д)

ЦАРЬ И ЛИНКОЛЬН

Перечитал статью Г. Некрасова "Император Александр Второй и Америка" ("НС" номер 2599-2600). Речь в ней шла о причинах, побудивших Царя-Освободителя поддержать Авраама Линкольна в войне Севера и Юга.

Хочу добавить, пользуясь информацией из недавно вышедшей книги В. Истархова "Удар русских богов", что и этот царь, и монархия вообще, и весь русский народ в результате победы северян нажили себе могущест-

венных и мстительных врагов в виде финансовой олигархии.

Линкольн стремился ограбить Соединенные Штаты от "власти денег". Он писал: "Власть денег грабит страну в мирное время и устраивает заговоры в тяжелые времена... Я предвижу наступление кризиса в ближайшем будущем, который заставляет меня трепетать за безопасность моей страны. Корпорации вступили на престол, грядет эра коррупции, и власть денег в стране будет развиваться, воздействуя на предрассудки народа, до тех пор, пока богатство не соберется в руках немногих и республика не погибнет".

Во времена Александра Второго влияние финансового лобби в России было почти нулевым, что позволило Линкольну воспользоваться поддержкой Царя-Освободителя. Этому им не простили: и Линкольн и Император были убиты. Но этого было недостаточно, и финансовые олигархи, вложив деньги в дело революции, всю отыгрались на России в XX веке.

Из эпизода прихода русского флота в США также следует, что американские негры в какой-то степени обязаны своей свободой России и Царю Александру Второму.

В. Кириллов (Владикавказ)

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Акунин. "Внеклассное чтение". 2 тома. (Москва 2002).

С некоторым огорчением следим за эволюцией творчества Б. Акунина. Его новый роман проясляет ряд прежних недостатков и, к сожалению, новых, еще худших. Хотя и содержит проблески немалого таланта, ему присущего.

Книга распадается на две части, слабо между собою связанные: в одной действие происходит в современной Москве, в другой — в царствование Екатерины Великой в разных местах России.

Вторая линия гораздо интереснее: настоящий авантюрный роман с напряженным действием. Но увы! Построенный на грубой, тенденциозной лжи, — как только мы попробуем на него взглянуть с точки зрения реальной российской истории.

Екатерина Великая представлена целиком в согласии с наи-

худшими канонами раннего большевизма. Легко рассказывать о великой императрице похабные анекдоты: но просто нелепо представлять ее глупой!

Нет уж, глупой она никак не была.

С другой стороны, куда как неубедительно изображать ее двор как какое-то собрание клинических монстров и ничтожных интриганов. Вот в романах Алданова (который однако тоже относился к Екатерине враждебно) те же нравы, тот же быт представлены несравненно правдивее.

Довольно сравнить Россию какую Великая Жена (по выражению Пушкина) ее приняла — и какую оставила: расширение ее границ, развитие ее культуры и ее вес на международной арене весьма заметно изменились! Не за это ли ее и не любят?

А люди ее времени тоже были титанами: Суворов, Ушаков, несправедливо оклеветанный Потемкин, — и сколько других!

Говорить же всерьез о жестокостях тогдашней "секретной экспедиции", — нам ли, Боже мой! Мы знаем принцип Фелицы: лучше простить 10 виновных, чем наказать одного неповинного. Что бы сказали о нем товарищи Ежов и Берия? И что бы она сказала, увидев гулаги советских лет, пыточные допросы чекистов?

Центральный персонаж повествования мальчик-фундеркинд, начитавшийся французской энциклопедии, наставляет царицу, с беспокойством следящую за успехами якобинцев, что мол свободные солдаты всегда побеждают подневольных.

Ой так ли? Суворовские солдаты выкинули французов из Италии; кутузовские разбили Наполеона.

Судьба России 18-го века, в версии Акунина, находилась в руках масонов, а в их рамках боролись добродетельные вольные каменщики и другие, ответившие от оных, которые от идеи прямой борьбы с Сатаной перешли к постепенной на службе ему.

Впрочем, о сути масонства у автора — через уста одного из героев. Данилы Фандорина, вырываются весьма меткие слова: "Стоит добрым, честным, бескорыстным людям объединиться и начать войну во имя хорошего дела, как вскоре главнокомандующим у них непременно оказывается наихудший из злодеев".

Верно, конечно. И не только о масонах. Но все же: при каком изначально направлении подобные вещи легче всего случаются?

Перейдем ко второй линии, к России наших дней.

Тут мы видим нагромождение непомерных ужасов (не всегда и правдоподобных) дикого капитализма. В обрисовке коих автору решительно изменяет чувство меры и хорошего вкуса.

Отметим, что в числе действующих лиц (и отнюдь не отрицательных) появляется некий андрогин, — молодой парень, половину времени мужчина, половину женщина, меняющий с одного дня в другой "половую ориентацию" вместе с платьем. Он обрисован с мягким юмором; но нам при чтении, право не смешно, а противно... и даже страшно.

К числу наиболее удачных типов отнесем кошмарную сандистку Жанну Богомолу, плавающую в море акул от бизнеса, рвущих глотки друг у друга.

Но приключения действующих лиц и резкие повороты в их участи тут (как, впрочем, и в "екатерининской" линии) вполне невероятны, и читатель должен быть весьма нетребователен чтобы принимать их с доверием.

Отметим вскользь, что некая дама Цецилия Абрамовна, именуется на страницах "Внеклассного чтения" **Цыца**, а потом, без особой мотивировки, уже **Цаца**.

И еще одну курьезную деталь: английские и немецкие слова, пестрящие в тексте (и специально в речи двуполого Вали) даются без перевода, в качестве общепонятных; французские же снабжены подстрочными разъяснениями.

В прежние времена, для культурной публики, было бы, скорее уж, наоборот.

Сомнителен прием (положим, употреблявшийся писателем и ранее) — заменять подлинные имена исторических лиц на выдуманные: графа Зубова на Зурова, **Перекусихиной** на **Протасову**.

Невольно думается: не напрасно ли автор оставил Эраста Петровича Фандорина и эпоху когда тот действовал? Образ добросовестного слуги престола и борца с революцией был для публики оригинальным, неожиданным и, именно поэтому, притягательным. Перемещения же в современность или в более отдаленные времена получаются у Акунина не совсем удачны.

Юрий Цурганов "Неудавшийся реванш" (Тула, 2001).

Книга имеет уточняющий подзаголовок: "Белая Эмиграция во Второй Мировой войне". Она распадается на следующие три части: "Политические течения в российской эмиграции на рубеже 1930-40-х"; "Белая эмиграция в военно-политическом противостоянии 1941-44 годов"; "Белая эмиграция и Власовское Движение".

Работа составлена в относительно объективном тоне; с некоторыми, однако, странными пробелами. Например, разбирая политические партии и группировки, автор ничего не говорит о монархических организациях, даже о столь важных как Младороссы и Имперский Союз. И это при том факте, что по подсчетам друзей и врагов монархисты составляли примерно 90% в Русском Зарубежье, и число партий среди них было огромным.

Зато много внимания уделено бредовым идеям Устрялова и прочих возвращенцев. Правда, Цурганов честно и констатирует, что вернувшихся на родину ожидала, — за редкими исключениями — скверная судьба.

И непомерно выпячена роль НТС, отнюдь не доминировавшего в российской диаспоре, хотя и имевшего позже некоторое, — не всегда положительное, — влияние при создании РОА.

К числу интересных, — и обстоятельно освещенных в данном труде, — проблем принадлежат старания немецких национал-социалистических властей и деятелей обесценить разобщение и взаимное непонимание между старой и русской эмиграцией и подсоветскими людьми, включая власовцев, оловцев и население оккупированных Германией частей России.

В этом им удалось достигнуть некоторых успехов; но конфлик-

ты рассеивались, и, если бы крах Третьего Рейха не произошел столь быстро, вероятно исчезли бы как дым.

Тот факт, что Русский Корпус на Балканах желал безусловного подчинения Власову, как желала его и масса казаков, говорит за себя.

Теряли значение и всячески муссировавшиеся немцами этнические противоречия, в процессе общей борьбы против большевизма.

Совершенно правильно констатируется автором общий факт, что правая, и прежде всего монархическая часть эмиграции шла на временный союз с Германией во имя свержения коммунистического ига в России. Тогда как левые элементы (немногочисленные, но очень активные) предпочитали, в ходе войны, занимать оборонческую, — и часто, в конечном счете, просоветскую, — позицию.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

... И НОЖ

"Архив РОА" был создан в Москве С. Е. Компанцом для распространения правды о Власове и Русской Освободительной Армии. Естественно, что при наличии такой благородной цели мы, белые эмигранты, стали всячески содействовать этому почину, в частности — присылкой документов и информации.

Увы, новый заведующий "Архивом" А. О कोरोков, злоупотребив нашим доверием, использовал эти материалы вовсе не по назначению, а чтобы нанести русской политической эмиграции удар ножом в спину.

В своей книге "Фашизм и русская эмиграция" он тщится подтвердить тезисы советской пропаганды о якобы "нацизме" правого Зарубежья. Одновременно, согласно полученным нами сведениям, О कोरोков теперь стал отзываться о генерале Власове как об "обычном предателе, изменившем присяге".

В свое время, вызвало удивление, что для защиты своей докторской диссертации о вооруженных антисоветских формированиях времен Второй Мировой войны О कोरोков избрал не любой университет, а Военно-Политическую Академию — гнездо окаменелых коммунистов. Нынче все ясно. Только охаяв Русское Освободительное Движение, смог О कोरोков получить от совков в военной форме докторскую степень.

Конечно нас могут упрекнуть в наивности и неосторожности — чего мол ему помогли? Но мы не являемся сыскным агентством, и можем судить о людях только по их делам, которые, как в данном случае, рано или поздно становятся явными, обнажая истинный облик человека, которому мы поверили.

Бог ему судья!

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ЛОЖЬ...

Самое нелепое и возмутительное в скандальной книге О कोरोкова "Фашизм и русская эмиграция" (а в ней нелепого и возмутительного много!) есть попытка отождествить монархистов с фашистами.

Между тем, называя вещи своими именами, когда постсоветские образованцы говорят о фашизме, они имеют в виду национал-социализм (но называть его не смеют, ибо социализм для них — священное слово, не могущее быть связано с чем-то дурным: самое большое, если они употребляют абсурдное слово **нацизм**).

В других видах фашизма они не разбираются, да ими и не интересуются.

А национал-социалисты смотрели на монархистов, в том числе и на своих германских или австрийских, как на худших своих врагов! Более или менее связанные с монархией аристократические круги в этих странах тоже Гитлера и его последователей ненавидели; из их среды и вышел граф фон Штауфенберг и другие заговорщики.

Что уж и говорить о монархистах иностранных! Русских в особенности. И если уж фюреру приходилось вступать в компромиссы с монархиями, как скажем, в Италии или Болгарии, то делалось это со скрежетом зубным, на время и в силу необходимости.

А нас теперь, г-н О कोरोков и другие (не дано ли им задание от властей?) упорно стараются с фашистами отождествить.

Но в это поверить всерьез могут только крайне глупые и невежественные люди!

Очень жаль, во всяком случае, что Россия все более возвращается к большевизмской жвачке, ко злобной клевете на Русское Зарубежье!

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

Нам пишут из СПб:

В выходящем здесь "Вестнике" Русского Обще-Воинского Союза, архиепископ Серафим (Дулгов) написал, что руководство Московской Патриархии канонизировало Государя Императора Николая Второго из принципа: "Не можешь уничтожить — возглавь".

По словам Владыки, в РФ "теперь идет девальвация самой идеи канонизации святых угодников вообще. Например, канонизировали, хотя и почтенного флотоводца, адмирала Ф. Ф. Ушакова. А теперь сухопутное командование требует канонизировать "своего". И кандидат готов: советский маршал Г. Жуков! Подготовили уже и "обоснование", почему его надо канонизировать. Идет странная "реабилитация" Г. Распутина, вплоть до желания и его "канонизировать". Все это и есть девальвация самой идеи канонизации. Вспоминаю, с каким трепетом, приступила Русская Православная Церковь Заграницей к первой канонизации — Св. Праведного Иоанна Кронштадтского, затем — Блаженной Ксении Петербургской. А теперь простой канцелярской справкой от "Синода" Московской Патриархии щедро "канонизируют"!

ПАРТИЯ БРЕЖНЕВА

Нам пишут из Москвы:

"Новая Коммунистическая Партия" возглавляемая 41-летним Андреем Брежневым, внуком генсека, активно формирует свои региональные отделения и готовится к проведению "научно-практической конференции о перспективах коммунистической идеи в современных условиях". Об этом корреспонденту АПН сообщил член президиума ЦК Новой Коммунистической Партии Анатолий Баранов. По его словам, кадровую основу партии Брежнева составляют Российский Коммунистический Союз Молодежи Игоря Малярова и "красные профессора" из общества "Российские ученые социалистической ориентации". Кроме того, по словам Баранова, большой интерес к новой компартии проявили функционеры российско-еврейского общества ВААД, во главе с "одним из вице-президентов". Баранов считает причиной этого то, что евреи, воспитанные в Советском Союзе, положительно относятся к коммунистической идее, но держались подальше от КПРФ Зюганова, подозревая в зюгановцах антисемитов, тогда как "на знаменах новых коммунистов слово "интернационализм" написано крупными буквами".

Андрей Брежнев — сын

покойного министра внешней торговли Юрия Брежнева и внук генсека Леонида Брежнева. Считается, что партия Брежнева возникла с благословения заместителя руководителя администрации президента РФ В. Суркова.

"Внучата Ильича" также могут рассчитывать на помощь влиятельного российско-еврейского олигарха Александра Мамута. Мамут состоял в браке с ныне покойной Надеждой Брежневой (Ляминой), которая до того была замужем за Андреем Брежневым, и сейчас воспитывает брежневских детей — правнуков генсека. Надежду Лямину (Брежневу), Андрея Брежнева и Александра Мамута связывала дружба со студенческой скамьи: все трое в конце 70-х — начале 80-х учились в МГИМО.

КАНОНИЗАЦИЯ ВСЕХ

Нам пишут из Н. Новгорода:

Верхушка Московской Патриархии продолжает поощрять канонизацию выдающихся деятелей русской истории, являвших-

ся в личной жизни простыми мирянами. Таким образом, патриарх Алексий Второй со присными пытается умалить значение прославления Царственных Мучеников.

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Евтихий благословил инициативу причислить к лику святых Суворова, Минина и Пожарского. Сколочена инициативная группа, в которую вошли ветераны Красной Армии. Национал-большевицкая газета "Русский Вестник" обосновывает этот почин "фактом недавней канонизации адмирала Ушакова".

ФИФА ПРОТИВ РЕЛИГИИ

Нам пишут из Женевы:

Международная футбольная ассоциация — ФИФА — разослала национальным федерациям документ, призывающий их бороться с любыми проявлениями "религиозной экзальтации". И в частности — с групповыми молениями и надписями на майках, подобно той, что показывали бразильцы — чемпионы

мира — на недавнем чемпионате в Корее и Японии: "100 % Инсус".

Теперь на международном уровне судья может наказать желтой карточкой футболиста, который после забитого гола перекрестится, а футбольные власти могут его оштрафовать.

ПАМЯТИ КОРНИЛОВА

Нам пишут из Уссурийска:

В "Музее Народного Творчества" Педагогического Института состоялся вечер памяти генерала Лавра Георгиевича Корнилова, организованный историком и представителем Русского Обще-Воинского Союза в Уссурийске А. Ю. Бушиным. Белому вождю была также посвящена 20-минутная передача "Струны Памяти" на городском "Радио Усури". О докладе А. Ю. Бушина был показан на местном телевидении репортаж.

На вечере, Г. П. Лунте исполнил песни "Корниловский романс" и "Памяти Корнилова" на стихи ростовского поэта Кирилла Ивеля. Собрание завершилось дискуссией со студентами местного университета.

Газета "Приморский Экспресс" написала: "Этот полководец действительно заслуживает почета и уважения. На 80 лет мы забыли о его великих деяниях и заслугах перед Россией. Император Николай Второй писал: "Молодец этот Корнилов!", а большевики называли генерала "кровавым палачом революции".

ДОКЛАД О СОЛОНЕВИЧЕ

Нам пишут из СПб:

Здесь состоялась конференция "Наука, культура и политика русской эмиграции", организованная Санктпетербургским Государственным Университетом. В частности, на ней выступил с докладом "Издательская деятельность И. Л. Солоневича в эмиграции (1936-1940 гг.)", заместитель редактора газеты "Монархист" И. П. Воронин.

ВЕРНУТЬ КРЫМ

Нам пишут из Ланарка:

"Белый Листок", выходящий в этом канадском поселке, написал, что "русским следует занять Крым внезапной операцией. Привести Черноморский Флот в боевую готовность, подвезти несколько еще дееспособных дивизий и объявить, что без боя никто никуда не уйдет. Крым и Севастополь наши, и никто не имеет права искажать историю".

Издатель этого органа печати, Г. М. Моисеев, считает, что Крым — колыбель православия и нечего церемониться с теми, кто стремится искоренить русское наследие в Крыму: "Ясно — будет вопль до небес. Но никто Третьей Мировой войны не начнет. У "друга" московского президента забот полон рот".

И СМЕХ И ГРЕХ...

Когда-то я долгое время воевал с наборщиками "Нашей Страны", которые упорно путали в моих статьях частицы **уж** и **уже**. Печатать потом сообщения о допущенных опечатках представлялось неудобным, как об относительных мелочах; да я особенно и не настаивал.

Однако смысл сильно меняется при изменении данных частиц. Что я, помню, объяснял в письмах в редакцию. Я даже приводил, помню, такой пример:

Представим себе, что в некоем русском учреждении обсуждают недавно изданные властями законы или правила, точное содержание которых еще не известно. И вот один сотрудник говорит другому:

— Да вы спросите у Ивана Ивановича; он **уж** знает!

Это означало бы, что Иван Иванович — человек умный, бывалый и надежный. Если другие путают или сомневаются — он-то знает, где раки зимуют.

Напротив, если бы было сказано:

— Спросите у Ивана Ивановича; он **уже** знает.

То это бы значило только, что Иван Иванович успел поговорить по телефону или прочесть газету и получить раньше других нужную информацию (независимо от его личных качеств).

Постепенно опечатки прекратились, и я про имевшие место конфликты забыл.

Но вот теперь в изданной в Москве книге Е. Земской и М. Гловинской "Язык русского зарубежья" нахожу нападки на себя за то, что смешиваю частицы **уж** и **уже**! С соответствующими цитатами из моих статей...

Тут я однако, по чистой совести не виновен!

Даже если какие другие погрешности у меня бывали или есть, — то не эти!

За опечатки в газете я никак не ответственен...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

В восемнадцатую годовщину смерти моего
незабвенного мужа

АНАТОЛИЯ РОМАНОВИЧА ЯТЦЕНА

в воскресенье 13 октября с. г. после Божественной
Литургии в Кафедральном Соборе на улице Нуньес
3541 в Буэнос Айресе будет отслужена панихида.
О чем сообщает вдова покойного.